

вопросов тюремной жизни: отношение к порке, половой вопрос и т. п.

В заключение от него впервые мы узнаем любопытные подробности о том, что творилось в Бутырках после освобождения главной массы политических (больница была первые дни забыта, и Вороницына освободили лишь по настоянию его сестер, живших в Москве).

Из воспоминаний И. П. Вороницына видно, что ему во времена Скоропадского пришлось побывать и в германских тюрьмах, и мы с нетерпением ждем его воспоминаний об этой эпохе.

Книга написана прекрасным, живым языком и издана очень прилично. Желаем ей от души самого широкого распространения.

Б. Горев.

Жан-Жорес. «Бонапарт». Петербург. Госуд. Изд-во. 1922 г.

Небольшой, но блестящий очерк Жореса о Бонапарте впервые появляется в печати. Он опубликован одним из сотрудников „Социалистической Истории“ Луи Нугер в седьмую годовщину со дня убийства Жореса. «Распространить по лицу земли слова Жореса, и тем почтить достойным образом его память и послужить делу справедливости» — такова цель издания очерка. К столетней годовщине смерти Наполеона, вдохновленный труд Жореса приобрел особенно актуальное значение, когда империалистическая Франция мечтает об эпохе великих замыслов «железа и крови».

Очерк о Бонапарте Жорес написал «не вставая с места». Однако, пред нами высеченая из мрамора историческая характеристика детища Французской революции, вооруженного мечем вождя французской буржуазии. Жан-Жорес — художник и историк, историк творец, смог в сжатом очерке дать нам образ Наполеона с его двойственной природой любящего сына и матероубийцы Революции. Что создало Наполеона? В чем смысл «18-го Брюмера»? Та же сила, что превратила конституционно-монархическую Францию во Францию 10-го августа, Францию Мирабо во Францию Робеспьера и Сен-Жюста: контр-революция! Бонапарт ушел потому, что он, как пишет Жорес, смог сказать стране: «я сражаюсь с контр-революцией!» Контр-революция своими вечными угрозами не только определила режим террора, но она ослабила Директорию, подорвала и извратила Конституцию III года. Партия „старого режима“ создала предлог для выступления генерала и «только страх перед возвратом и спящему строю побудил обманутую Францию довериться герою Брюмера, сумевшему притвориться покровителем и другом Революции». Так классически кратко и ясно Жорес характеризует связь жизни Наполеона с эпохой революции.

Но контр-революция не только породила бонапартизм, она сопровождала его и воспитывала его на всем его пути, во всех его видоизменениях. Наполеон выступал против од-

ной из форм контр-революции, правда, устарелой, но в то же время выдвигая на ее место новую форму—«контр революцию монархическую, которая была тем страшнее, что в чертах ее лица были еще заметны следы революции, выродившейся и упадочной». Чтобы укрепить свою власть, Бонапарт должен был смести все следы Революции, возбуждая общественные массы страны против революционеров, не апеллируя к необходимости бороться с реакцией. Свою мысль Жорес формулирует так: «Берегитесь! Конечно, между покушением на улице Сен-Нике и оппозицией Законодательного Корпуса и Трибуната нет тесной связи; но оба факта одного и того же революционного происхождения»... Оба факта готовят „возвращение анархии трудиться для успеха и торжества „сентябристов“, задумавших и наладивших свое дьявольское предприятие“. Так, запугивая Францию „двойным полным ужаса, призраком«—возвратом старого строя и новой кровавой революцией—Бонапарт подымался вверх по лестнице власти.

Спор между Наполеоном и Законодательным корпусом и Трибунатом дал возможность Тьеру стать на сторону Бонапарта в его борьбе с остатками свободы в стране. Тьер считает правым Наполеона в его решении накладывать клеймо на фальшивомонетчиков. Историки, славословящие Наполеона, стали апологетами его гражданского кодекса, его законодательства. Но Жорес блестяще вскрывает преимущество революционного законодательства и буржуазно-реакционную, даже реставрационную сущность законодательства Империи. Французская революция в законах Конвента по вопросу о разделе наследуемых имуществ поставила в порядок дня вопросы социального равенства, пишет Жорес, и отказ представительных собраний от немедленной отмены законов свидетельствует о либерализме собраний.

Их «морили поэтому законодательным голодом» но это была оппозиция деспотизму Наполеона. Правда оппозиция медальновидная и близорукая, но оппозиция. Совершенно справедливо отмечает Жорес, что не кучка либералов смогла оживить и укрепить революцию в те дни „когда она была разочарована своим бессилием“. Но эти либералы были единственной силой, которая доказывала, что не прав Наполеон, когда он утверждал: «Да ведь Франция позабыла думать!» Свобода в стране не угасла окончательно. Чтобы обрести ее снова сполна следовало вспомнить, что обрести завзисит в конце-концов лишь от самой Франции..

Трудно изложить все богатство мыслей этого очерка в небольшой рецензии. Но этот очерк бесспорно украшение даже в богатом творчестве Жана Жореса.

Ц. Фридланд.